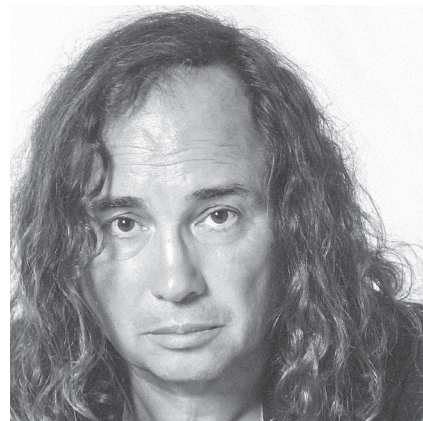

Скорбный и героический компоненты памяти о войне и Блокаде в деятельности Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме в 2010–2021 годах

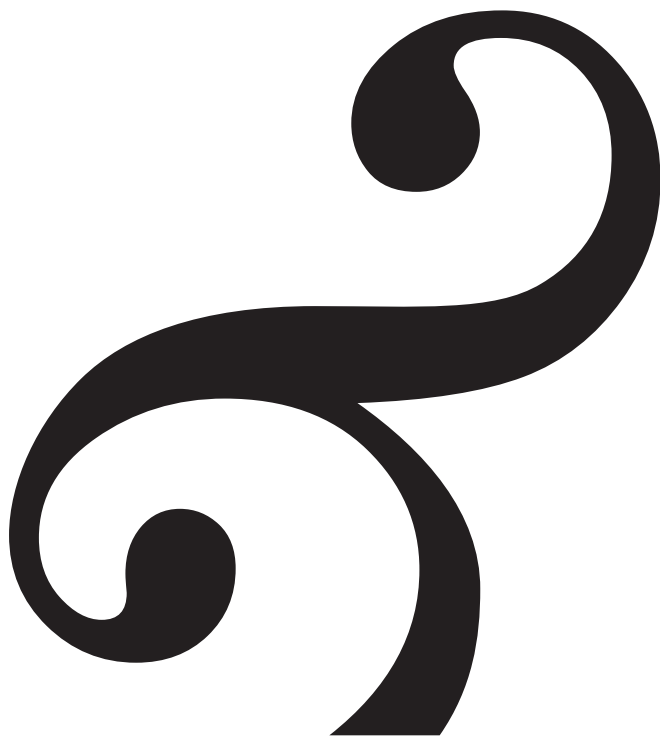
ДАНИИЛ
КОЦЮБИНСКИЙ

Посвящаю этот текст моей маме – Софье Александровне Коцюбинской (1931–2021), научившей меня помнить о Блокаде.

Дилемма скорбного/героического (или, согласно классификации Алейды Ассман, *виктимизированного и сакрифицированного*¹) форматов памяти о Блокаде с особой силой проявилась в 2018–2019 годах, в ходе подготовки и проведения парада на Дворцовой площади в честь 75-летия окончания Блолады Ленинграда². Конечно, осмысление темы продолжилось и после этих событий – тем более, что в оборот вводились все новые факты. Особое

- 1 Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 79–93.
- 2 Коцюбинский Д.А. *Общественная дискуссия по вопросу о проведении военного парада на Дворцовой площади к 75-летию снятия Блолады Ленинграда в контексте сакрифицированной и виктимизированной версий блокадной памяти* // Публичная политика. 2021. Т. 5. № 1. С. 144–174; Он же. *Как помнить*

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

*Даниил Александрович
Коцюбинский (р. 1965) –
историк, старший преподаватель
Санкт-Петербургского государственного
университета.*

внимание исследователей по-прежнему привлекала тематика блокадной повседневности, раскрываемая посредством эго-документов, высвечивающих глубоко трагическую сущность блокадной реальности³. Таким образом, вопрос о правомерности органического сочетания *скорбного* блокадно-мемориального нарратива с *героическим* – традиционным для официозных коммеморативных практик⁴ – сохранял свою актуальность.

В этой связи представляется ценным опыт репрезентации блокадно-мемориальной тематики, накопленный Музеем Анны Ахматовой в Фонтанном доме (далее – Музей) в ходе его выставочной и просветительской деятельности на протяжении 2010–2021 годов, то есть в то время, когда общественная блокадно-мемориальная дискуссия достигла особенной остроты.

В этот период, помимо выставок, лишь косвенно – на уровне отдельных экспонатов – затрагивающих тему Блокады (картины, созданные художниками в период Блокады, отрывки блокадных воспоминаний героев выставок и так далее), Музеем был организован ряд экспозиций, непосредственно касающихся памяти о войне и Блокаде:

1. «Это письмо со слезами пишу» (май 2010 года) – выставка к 65-летию Победы. Основа экспозиции – письма с Ленинградского фронта солдата Ефима Хозумова (манси по национальности) на мансийском языке, не подвергнутые военно-цензурному контролю.

2. «Блокада. До и после» (январь–февраль 2014 года) – выставка к 70-летию снятия Блокады Ленинграда. Работы двух художников – Василия Калужнина и Константина Кордобовского, – не прекращавших работать в блокадном городе. Отдельный цикл – работы современного художника Григория Кацнельсона, посвященные блокадным стихам Геннадия Гора.

3. «Такая разная война» (май 2015 года) – выставка к 70-летию Победы. Материалы из собрания Музея и частных, семейных архивов.

4. «Блокада. Новое зрение» (сентябрь–октябрь 2021 года) – выставка к 80-летию начала Блокады Ленинграда. Основа выставки – работы художников Ярослава Николаева и Бориса Смирнова, трудившихся в блокадном городе.

Кроме того, ежегодно проводилась акция «Блокадный квартал»: чтение в годовщину начала Блокады (8 сентября) имен

о Блокаде? Парад на Дворцовой площади 27 января 2019 года и столкновение двух версий блокадной памяти. Фонд «Либеральная миссия». 25 января 2021 года (<https://liberal.ru/povestka/kak-pomnit-o-bloкаде>).

3 *Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 8 / Сост. С.Е. ГЛЕЗЕРОВ. СПб.: Издательский центр «Остров», 2019; «Я знаю, что так писать нельзя»: феномен блокадного дневника / Сост. А.Ю. Павловская, науч. ред. Н.А. ЛОМАГИН. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.*

4 Коцюбинский Д.А. *Общественная дискуссия по вопросу о проведении военного парада на Дворцовой площади...* С. 168.

погибших в блокадный период жителей того квартала, в котором располагается Музей (близлежащие дома по Литейному проспекту, улице Белинского и набережной реки Фонтанки).

Изучая соотношение *виктимизированной* и *сакрифицированной* составляющих блокадной памяти, важно не только проанализировать содержание упомянутых выше выставочных проектов, но и учесть те развернутые комментарии, которые любезно предоставили автору сотрудники Музея, непосредственно причастные к реализации его блокадно-мемориальных мероприятий: основатель и директор Музея (1989–2020), президент Санкт-Петербургского Общественного благотворительного фонда друзей Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме Нина Ивановна Попова; директор (с 2020 года) Музея Анна Александровна Соколова; заведующая отделом выставок и проектов Музея Жанна Львовна Телевицкая; сотрудник пиар-службы Музея и один из организаторов акции «Блокадный квартал» Галина Николаевна Артеменко.

Рассказывая об этих проектах, сотрудники Музея вполне определенно указывали на скорбно-трагический смысл всех упомянутых выше памятных блокадных мероприятий. Как подробно пояснила Нина Попова, ее стремление наполнить пространство Музея не только традиционным для него историко-литературным содержанием, но и памятью о Блокаде было обусловлено двумя мотивирующими импульсами.

Первый такой импульс – судьбы и тексты Анны Ахматовой, авторов ее круга и прочих представителей городской интеллигенции, переживших Блокаду и оставивших свои воспоминания о ней:

«В начале 1990-х именно судьба и публицистика Николая Пунина подтолкнули меня к тому, чтобы начать заниматься блокадной тематикой. Пунин ведь очень подробно записывает 1942 год, ту зиму. И у меня возникло ощущение, что это требует памяти и возвращения к этому, потому что это не избыточное. Это было здесь, в Фонтанном доме, и это осталось. Может быть, я пафосно говорю, но исходное стремление увековечить блокадную память о Пунинных было для меня очень естественным. Это место, квартира на третьем этаже, требует возвращения, осознания спустя десятилетия: с большей степенью понимания, сострадания. И я занимаюсь этой темой до сих пор. Вот только сейчас расшифровывала записи Ирины Николаевны Пуниной и Анны Генриховны Каминской об их возвращении в 1944 году из Самарканда, как это было, что было в квартире, ни одного целого стекла, как нужно было просить»⁵.

Второй импульс – личный и семейный военный опыт самой Нины Поповой (она родилась в марте 1941 года):

5 Беседа с Ниной Поповой, февраль 2022 года. Полевые материалы автора (ПМА).

«Отец был военный, он был на фронте, служил на Балтийском флоте. Дома остались мама, бабушка, я и старший брат. Брат потом мне рассказывал, что мы жили на территории Военно-медицинской академии, на очень высоком третьем этаже; как надо было срочно меня завернуть и бежать по этой высокой лестнице вместе со всеми в бомбоубежище. Но больше всего в память брата, которому было восемь лет, врезалось то, как он идет по Лесному проспекту, а рядом идет телега с запряженной лошастью, и идут люди, и вдруг телега останавливается, лошадь падает, и все люди перестают идти, бросаются к лошади, откуда-то добывают лопатки и ножи и начинают эту лошадь, которая только что шла, на его глазах разрезать, свежевать. И он не может понять, как это может быть. А это значит, что уже нет мяса и мало хлеба – и вот эта павшая лошадь, “объедаемая” людьми»⁶.

Нынешний директор музея Анна Соколова также отметила преобладание виктимизированной составляющей в блокадно-мемориальной политике возглавляемой ею институции. Правда, она подчеркнула, что сохраняемая Музеем скорбно-трагическая память о Блокаде органически включает в себя героико-трагический компонент, связанный с человеческим сопротивлением бесчеловечной блокадной реальности:

«В первую очередь мы говорим о ценности человеческой жизни, о трагедии и о необходимости памяти о ней. Для себя внутренне мы, сотрудники, продолжаем тот самый список, в котором, говоря словами Анны Ахматовой, “хотелось бы всех поименно назвать”. Как бы пафосно это ни звучало, но это так. Поминование – это трагедия, это не героизм. Мы говорим об этом. И мы хотим, чтобы люди, которые сюда пришли, поняли, что это трагедия для самого разного уровня людей, которые оказались в блокадном городе. Наша задача – формирование человеческого отношения к нечеловечески страшной трагедии.

Но наши выставки не просто воскрешали память о трагедии, они также показывали, что единственным способом сопротивления человека бесчеловечной реальности и сохранения себя человеком в этих условиях оказывались честность перед собой и верность своему предназначению, стремление сохранить в себе способность что-то делать, творить. Не смириться, не умереть, а остаться человеком – это тоже подвиг! Если Бог тебе дал какой-то талант, то надо фиксировать происходящее и презентовать то, что рядом, для тех, кто рядом. И даже просто в письмах с фронта честно рассказывать о том, что тебя окружает, стремиться морально поддержать своих родных – это тоже поступок, требующий силы духа. И в наших экспозициях мы показывали таких людей»⁷.

Об этом же говорит и Галина Артеменко, подчеркивая, что Музею приходилось преодолевать стереотипы *сакрифицированной*

6 Там же.

7 Беседа с Анной Соколовой, февраль 2022 года. ПМА.

ной (героико-триумфальной) памяти о Блокаде, сложившиеся в советский период:

«Во всех наших блокадных проектах присутствует единая сверхзадача. Всегда хочется донести небывалую историю небывалого кошмара и при этом рассказать о том, как в условиях этой колоссальной трагедии люди оставались людьми. [...] И потому таким важным и прорывным для всех нас открытием было то, что сделали в свое время Даниил Гранин с Алесем Адамовичем⁸, а затем и все другие исследователи. И сейчас это – трагическое и героическое – должно соединиться в головах, а это очень сложно. И наш Музей, как мне кажется, во всех своих блокадно-мемориальных проектах пытался и продолжает пытаться решить именно эту задачу»⁹.

Анализ упомянутых блокадно-мемориальных проектов, реализованных Музеем на протяжении 2010–2021 годов, в целом подтверждает цитированные выше оценки и характеристики.

Вот что Жанна Телевицкая рассказала о выставке «Это письмо со слезами пишу» (май 2010 года, совместный замысел филолога, исследователя фольклора Олега Николаева и фотографа Игоря Лебедева), основанной на не подвергшихся военному цензурированию письмах солдата Ефима Хозумова на мансийском языке:

«Поскольку письменность манси – это кириллица, он пишет письма русскими буквами, [...] но – неизвестными словами. Письма не цензурировались именно по этой причине. Почему они проскочили – тоже загадка. И вот эти письма – ...ядро экспозиции. [...] За письмами потянулись дневники. [...] Кто, собственно, вел дневники? Конечно же, интеллигенция. И мы пришли к нашим ближайшим героям – Ахматовой, Гаршину, Берггольц. Также мы выходим на бюрократическо-бумажный слой, который играет исключительно важную роль, потому что, несмотря на осаду, несмотря на войну, [...] все равно без бумажки человек – не человек. Это справки, свидетельства, разрешения, не говоря о карточках, о талонах, об аттестатах, пайках и прочем. [...] Этот бюрократический бумажный вал был представлен такой стеной. Поверх этого бумажного вала – наши подлинные документы, подлинные письма»¹⁰.

В своих письмах рядовой участник обороны Ленинграда предстал как человек, сознающий весь ужас окружавшей его реальности (военной и особенно бюрократической, к которой он испытывал почти нескрываемую ненависть), и в то же вре-

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

8 Адамович А.М., Гранин Д.А. *Блокадная книга*. М.: Советский писатель, 1979; М.: Советский писатель, 1983; СПб.: Азбука, 2016.

9 Беседа с Галиной Артеменко, февраль 2022 года. ПМА.

10 Цит. по: Вольтская Т. *Письмо со слезами* // Радио Свобода. 2010. 14 мая (www.svoboda.org/a/2042052.html). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*)

мя стремящийся думать и заботиться прежде всего не о себе, но о своих родных и близких, которым никак не удавалось получить положенные им – в связи с уходом единственного кормильца на фронт – налоговые льготы и которые находились по этой причине на грани голодной смерти:

«Вас постоянно налогами облагают, говоришь, чуть не судят. Пусть себя судят, а я посмотрю. Мама, ты не беспокойся, тебя не посадят, пока твой сын живой. Мама, я это дело как-нибудь улажу. Мама, я когда-нибудь домой приеду, жив-здоров, посмотрю, как они у меня налоги будут брать» (письмо от 23 октября 1943 года).

«Мама, я хорошо живу. Мне дают хлеба 900 грамм, три раза в день кормят. В месяц 30 рублей дают. Вам почему рыбакам не дают хлеб? Мама, я сильно ни в чем не нуждаюсь. Вас если в другой колхоз не отпустят, как-то выживайте» (письмо от 24 марта 1943 года).

«Мама ты сильно не плачь, зачем плачешь? Если я умру, письма не будут приходить домой, но я еще жив. Я как-то отправил 400 рублей, Приходили или нет деньги?» (письмо от 10 мая 1943 года).

«Мне выдали деньги, 70 рублей – я расписался, и 56 рублей – тоже расписался. Я бы отправил домой, но не дойдут до вас. С Омска отправлял 400 рублей. Получали или нет? В Омске я продал пальто за 400 рублей. Деньги отправлял домой, наверное, они не пришли» (письмо от 5 июля 1943 года).

«Я получил ваше письмо, из которого я узнал, что вы сильно бедствуете. Чем могу я вам помочь? Я постараюсь у командира взять справку и отправить вам. Что я еще могу сделать? Может, что-нибудь из вещей продадите? Мне бы вернуться домой живым. Я бы посмотрел на них...» (письмо от 1 августа 1943 года) (*курсив мой.* – Д. К.).

«Мама, я вам отправил 200 рублей и отправил вам справку. Эту справку никому не давай. Держи у себя на руках. Тем, кто собирает налоги, им не давай...» (письмо от 19 января 1944 года).

«Я писал два письма, мама, пиши. Мама, я жив, здоров. Мама, я тебе отправил справку. Мама, я тебе три раза переводил деньги» (письмо от 12 февраля 1944 года, за 10 дней до гибели)¹¹.

Жалоб на собственные блокадно-фронтовые трудности в письмах практически нет – о них приходится догадываться по косвенным рассказам. Например, о том, как один из довоенных знакомых и сослуживцев Хозумова не выдержал тягот службы, совершил самострел и был расстрелян:

«Добрый день! Хозумова Марья Петровна, здравствуй! Как вы живете? Пишите мне письма. Я жив, здоров. Вы, наверное, знаете: к нам в деревню приезжал собирать налоги один русский. С этим русским вместе служили. Мы с ним стояли на посту, он себе прострелил руку, он думал, что из-за этого домой отпустят. Руку свою специально подставил к стволу и выстрелил себе, и на руке оторвало четыре пальца. Его командир расстрелял из-за того, что себе руку прострелил.

11 Материалы из фонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Мы с ним вместе были. На этом заканчиваю писать. Хозумова Мария, до свидания, Хозумова Елена, до свидания, Хозумова Анна, до свидания, Хозумова Настасья, до свидания, Хозумов Ефим Д. 16 ноября, 1943 г.»¹².

ДАНИИЛ КОЦУБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Письма Хозумова (наряду с отрывками дневниковых записей и писем Владимира Гаршина, Ольги Берггольц, Кирилла Таганцева, Наталии Варбанец и других блокадников, а также тех, кто оказался в эвакуации) были экспозиционно противопоставлены военной и гражданской бюрократии: официальным сообщениям, приказам и сводкам. Сложная и объемная идейно-мемориальная структура выставки, канва которой вобрала в себя, помимо скорбно-трагического, также героико-трагический и жизнеутверждающий компоненты, противопоставив их державно-героическому *сакрифицированному* официозу, оказалась по-разному оценена и характеризована различными авторами, на первый взгляд придерживающимися сходных либерально-гуманистических идейно-мемориальных установок.

Петербургская поэтесса и публицист Татьяна Вольтская увидела в центре выставочного нарратива конкретного человека, через индивидуальное восприятие которого раскрывается общая катастрофа войны и Блокады. Развивая мысль об уникальности оптики Ефима Хозумова, Вольтская приводит слова инициатора выставки Игоря Лебедева:

«Мы прежде всего, конечно, были восхищены этим материалом эпистолярного жанра, потому что в его письмах были абсолютно антисоветские вещи, которые были не связаны, наверное, с коммунизмом или с чем-то еще, а просто с бытовым таким уровнем. Он постоянно пишет о том, что его матери не дают его зарплату – деньги, которые он ей пересылает, не выдают. По причине того, что они не верят, что он в армии служит, или что-то еще. Что это неправильно, что он обязательно должен приехать, вернуться с фронта, разобраться с этими людьми, вплоть до вооруженного насилия (“ты спрячь ружье, я приеду, я с ними со всеми разберусь”). С другой стороны, это видение войны человеком, у которого совершенно другой язык и совершенно другое восприятие мира. Он попадет впервые в те области страны, где есть высокие дома, он этому поражается. И поражается тому, что его не пускают, им не разрешают жить в этих домах, заставляют копать землянки и жить в землянках в лесу или в каких-то бараках. Война для него – это не бои и не тягости, а откровения, что пули свистят, как ветер – сравнение очень литературное, поэтическое. И это поражает, потому что у него совершенно другое сознание, и ты начинаешь задумываться: как вообще он существует в этом мире? А как же наименьшинства, которые тоже призывались, как они воевали? Мы же о них

12 Цит. по: ФАТИНА Т. «Все время думаю о вас...» // Магнитогорский металл. Городская газета. 2013. 19 ноября (<https://magmetall.ru/news/pamyat/vse-vrema-dumau-o-vas/>).

практически не слышали, мы о них не думаем, как будто их не существует. [...] Известно, что якуты – хорошие стрелки. И тут опять переключка с Хозумовым, потому что за то, что он хорошо стреляет (он изучает снайперскую винтовку, потом противотанковое ружье), ценят его навыки, он участвует в этом. Он находится здесь с 1942 года и до 1944-го. И вот в момент полного освобождения от блокады Ленинграда он гибнет в этой мясорубке. И после него ничего не остается. Нет фотографий. Вот этот эпистолярный жанр поддерживает, как бы делает его своеобразным писателем»¹³.

На выставке были также представлены материалы из школьных музеев города, которые выступали как источники виктимизированной гуманистической памяти о детях Блокады. Эти материалы, как отметил журнал «TimeOut», также позволяют соединить героику и трагизм в единое и нерасторжимое человеческое целое¹⁴. Кроме того, тематика выставки «Это письмо со слезами пишу» была поддержана галереей «Сарай»¹⁵ (небольшом экспозиционном пространстве Музея, где параллельно шла выставка о блокадных детях), а ее идейно-мемориальный посыл подхватила заведующая отделом истории магнитогорского краеведческого музея Татьяна Фатина¹⁶.

В то же время исследователь Татьяна Воронина в статье «Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне» предложила несколько иную интерпретацию этого проекта:

«[Экспонируемые материалы] отражают стремление кураторов выставки показать зрителю несколько иную войну, нежели это было принято долгое время. Войну, в которой основное внимание уделено не героическому пафосу победителей, а таким подробностям жизни людей, которые характеризовали бы это время без оглядки на цензуру. И, хотя образ, создаваемый выставкой, не акцентирует внимание на ужасах войны и блокады, рассказ о повседневности людей, живших в то время, в целом лишен привычного героического лоска. Достигается этот эффект во многом за счет демонстрации текстов писем с фронта. [...]»

Место проведения выставки и заявленная в аннотации концепция “войны без ретуши” наводили на мысль о представлении альтернативной точки зрения на войну, отличающейся от официальной, особенностью которой как раз и было “ретуширование” образа войны за счет исключения из него неприглядных сторон. Отчасти эти надежды были оправданными»¹⁷.

13 Вольтская Т. *Письмо со слезами*.

14 «Это письмо я со слезами пишу». *Письма с фронта, пересказанные языком современного искусства* // TimeOut. 2010. 6 мая (www.timeout.ru/spb/feature/10679).

15 Вольтская Т. *Письмо со слезами*.

16 Фатина Т. *Указ. соч.*

17 Воронина Т. *Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне* // Неприкосновенный запас. 2011. № 3(77). С. 159–175 (<https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/kak-chitat-pisma-s-fronta.html>).

«Отчасти» – поскольку диссонансом общему посылу выставки явилась школьная конференция, проходившая в стенах Музея во время посещения его Ворониной и оцененная ею как «ура-патриотическая»¹⁸. Виною тому, по мнению автора статьи, стало отсутствие в содержании выставки «рефлексии по поводу “рукотворности” самого воспоминания, самоцензуры и зависимости восприятия прошлого от тех или иных оценок события»¹⁹. Именно эта недоработка организаторов экспозиции позволила «объединить под одной крышей “наивный” и одновременно критический взгляд на войну Ефима Хозумова, [...] и пафосный перформанс, исполненный современными школьниками под руководством представителей обществ блокадников»²⁰. По убеждению Ворониной, «письма не могут говорить сами за себя, они требуют комментариев, контекста, и часто именно контекст определяет смысл предъявляемого документа»²¹.

Эти критические замечания прокомментировала куратор выставки Жанна Телевицкая:

«Что касается перформанса, который автор увидела на выставке и который использовала как аргумент – по сути единственный – в пользу своей гипотезы о том, что на нашей выставке были допущены, как ей показалось, некие экспозиционно-мемориальные несоответствия, якобы превратившие ее в показ войны не как трагедии людей, но как “предмет их гордости и величия”, то я категорически не согласна и с этой оценкой, и с подведенным под нее доказательством.

Начну с того, что мы не можем – и не должны! – каким-то образом цензурировать действия тех, кто приходит на нашу выставку, если эти действия не нарушают общих правил посещения музея. Тем более было бы странным препятствовать проведению школьного мероприятия, если вспомнить, что в подготовке нашей выставки участвовали масса школьных музеев, что они помогали нам всеми силами, на которые были способны – и учителя, и заведующие школьными музеями, и ученики! И мы, разумеется, совершенно не вмешивались в сценарий данного события. Возможно, это выглядело идейным диссонансом на фоне выставки, но куда большим диссонансом стала бы попытка цензурировать этот сценарий с нашей стороны. Думаю, это действие было подготовлено в отрыве от выставки как таковой: скорее всего учителя все отработали еще в школе, а в музей пришли просто провести мероприятие в более торжественной, с их точки зрения, обстановке. Одним словом, это совсем не означает, что наша экспозиция их “подтолкнула” именно к такому видению войны и блокады.

18 Там же.

19 Там же.

20 Там же.

21 Там же.

Наконец, относительно недостаточной идейной назидательности. Когда мы готовим тематические выставки, мы всегда исходим из того, что они должны говорить символическим языком, а не повторять жанр школьных прописей или морального катехизиса. Мы избегаем дидактических пояснений абсолютно сознательно. Мы не стремимся, как говорил Гумилев, “пасти народы” (“Аня, отрави меня собственной рукой, если я начну пасти народы”, – обращался он к Ахматовой). Мы стараемся говорить образным языком. Вообще выставка не книга, где все может быть написано четко и конкретно. Возможно, иногда каких-то чисто информационных пояснений на наших экспозициях не хватает. Но превращаться в “избу-читальню” мы категорически не хотим. Экспозиционная символика практически никогда не бывает буквальной. Там просто должны быть острые, красивые, очевидные вещи, которые призваны воздействовать на посетителя. И, как мне кажется, в той выставке, о которой идет речь, нам это, в общем, удалось. Косвенным образом в пользу этого говорит как раз тот факт, что уважаемая Татьяна Воронина почувствовала контраст между нашей экспозицией и проведенным рядом с ней “официозным” школьным мероприятием. Раз ее так резанула эта диссонансная штука, значит, выставка была на самом деле хороша»²².

Учитывая эти разъяснения, а также комментарии Татьяны Вольтской и других рецензентов, следует согласиться с тем, что данная экспозиция в полной мере соответствовала исходному скорбно-трагическому мемориальному замыслу, включавшему героико-трагическую компоненту.

Выставка «Блокада. До и после» (январь–февраль 2014 года) продолжила развитие описанного выше подхода к раскрытию блокадно-мемориальной тематики. Основу выставки, которую, как отмечалось в буклете, можно было бы назвать «художник в городе», составили работы Василия Калужнина (1890–1967) и Константина Кордобовского (1902–1988) – живописцев, которые «работали в блокадном Ленинграде, не оставляя главного дела своей жизни»²³. На выставке также были представлены работы петербургского художника Григория Кацнельсона (р. 1974), создавшего книгу «Геннадий Гор. Стихи 1942–1943», посвященную «тайному» блокадному сборнику стихов писателя Геннадия Гора (1907–1981), а также написавшего специально для проекта «Блокада. До и после» портреты Гора, Калужнина, Кордобовского, Филонова, Вагинова, Хармса, Друскина и других персонажей «круга Гора»²⁴.

Как пояснила Жанна Телевицкая, замысел экспозиции был предложен литератором и историком культуры Александром Ласкиным (он же стал и куратором выставки):

22 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

23 Буклет выставки «Блокада. До и после». Материалы из фонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

24 Там же.

«[Идея заключалась в том, чтобы] к 70-летию со дня снятия блокады Ленинграда представить на выставке творчество двух “маргинальных” художников, работавших в блокадном городе: Василия Калужнина и Константина Кордобовского. Творчество обоих и до и после блокады было далеко от официального искусства. По словам Ласкина, оба предпочли путь самоотречения и аскезы»²⁵.

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Ключевым оказывалось стремление не просто ознакомить общественность с произведениями двух малоизвестных до недавнего времени художников, запечатлевших город в период Блокады, но продемонстрировать их блокадное творчество как образец поступка, типологически стоявшего в общем ряду примеров блокадного героизма.

Как пояснял Ласкин, в судьбах этих двух художников было много схожего: «Оба оставались в блокадном городе, оба не прекращали работать как художники, несмотря на внешние обстоятельства. “Я рисую, значит, я существую” – скорее всего они считали так»²⁶. При этом тема героического преодоления человеком – посредством опоры на созидательно-волевые и духовно-культурные основы его личности – античеловеческого блокадного вызова органически вплеталась в общий скорбно-трагический мемориальный контекст: «Тема скорбной составляющей памяти о блокаде возникла сама собой, из визуального и вербального наполнения выставки: живописи, графики, стихов, артефактов»²⁷.

В рецензии на выставку Татьяна Вольтская вновь отметила героико-трагический акцент исходного замысла (суть которого, говоря процитированными выше словами Галины Артеменко, – показать, «как в условиях этой колоссальной трагедии люди оставались людьми»), подчеркнув, что, хотя оставшиеся в блокадном городе художники балансировали на грани гибели и переживали все трудности блокадного быта, они тем не менее продолжали работать и создавать значимые произведения²⁸. Завершая свой обзор, Вольтская сделала вывод, по сути опровергающий дихотомически-плоскостное деление памяти о таких событиях, как Блокада или война, на скорбно-трагическую и героико-триумфальную:

«Выставка наводит на странные раздумья: эти художники [в период тотального диктата канонов соцреализма. – Д.К.] прятали свое

25 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

26 Цит. по: Блокада. До и после. Выставка в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме (<http://museum.ru/N52356>).

27 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

28 Вольтская Т. *Лед, краски, тени* // Радио Свобода. 2014. 19 февраля (www.svoboda.org/a/25268063.html). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.)

истинное лицо даже от учеников, изумившихся после смерти своих учителей, что, оказывается, они были настоящими мастерами. Но в дни войны, блокады все маски упали: смерть, стоявшая у дверей, держала за руку свободу»²⁹.

Похожим образом оценил феномен блокадных стихов поэт и критик Олег Юрьев, процитированный в одной из рецензий на выставку:

«В блокадном Ленинграде, в ситуации абсолютного экзистенциального ужаса он [Геннадий Гор. – Д.К.] безо всяких оговорок и ограничений вдруг заговорил на каком-то другом языке – на языке, применительно к которому несколько стыдный вопрос об отношениях формы и содержания просто-напросто не встает»³⁰.

Фронтальное столкновение скорбно-трагического, *виктимизированного* (включая героико-трагическую компоненту), с одной стороны, и героико-триумфального, *сакрифицированного* восприятия событий Блокады (и последующей памяти о них), – с другой, было представлено в музейном пространстве организованного к 70-летию Победы выставочного проекта «Такая разная война» (май 2015 года).

Создатели экспозиции поставили целью показать войну и Блокаду с точки зрения разных социальных групп. Свой творческий замысел кураторы Музея подкрепили ахматовской «военно-блокадной» цитатой: «“И в пестрой суеде людской все изменилось вдруг”, – так начала Анна Ахматова свое стихотворение “Первый дальнбойный в Ленинграде”». И далее пояснили, что условно разделили пространство экспозиции на три социально-смысловых плана – авторско-интеллигентский, общенародный и номенклатурный:

«Восприятие военной действительности ленинградской интеллигенцией представлено рукописными артефактами – отрывками из дневников, письмами, стихами (Анна Ахматова, Ольга Берггольц, Татьяна Гнедич, Лев Гумилев, Николай Пунин и еще несколько имен “ахматовского круга”). А те самые 800 тысяч, которые “в наших сложных условиях мы можем кормить и которые достаточны для разрешения основных вопросов” (А. Жданов, 1941 г., Ленинград), можно увидеть на фотографиях, послушать их воспоминания, посмотреть семейные реликвии. Третий смысловой круг – официальные документы: приказы, агитационные листовки, плакаты, воспоминания военачальников и чиновников высокого ранга (Георгия Жукова, Андрея Жданова, Иосифа Сталина)»³¹.

29 Там же.

30 В Петербурге создали авторскую книгу тайных блокадных стихов // Regnum. 2014. 31 января (<https://regnum.ru/news/society/1761099.html>).

31 *Такая разная война* (<http://museum.ru/N57658>).

По признанию организаторов выставки, их попытка создать экспозицию, которая «не предполагает однозначности, не призывает к обязательным выводам и не навязывает определенное мнение»³² с точки зрения экспозиционного успеха удачной не оказалась³³. В то же время, как пояснила Жанна Телевицкая, именно в данной экспозиции «тема героической и скорбной памяти получила развитие – как противопоставление официальной и приватной точек зрения»:

«Похоронные извещения, заполняющие стену, и гладкие клишированные фразы в воспоминаниях Жукова, расчеты и рассуждения Жданова на той же стене. И здесь же – воспоминания очевидцев, записанные в музее в рамках проекта “Я голос ваш”. В витринах лежали вещи из домашних собраний и из фондов музея, пережившие войну: маленькая рукописная книжечка со стихами Ахматовой, стеклянный флакон, молочник, фарфоровая чашка – чудом уцелевшие, оказавшиеся прочнее, чем хрупкое человеческое существование. В больших одинаковых рамах были воспроизведены увеличенные изображения подлинных документов из музейного собрания: писем, дневников, посвящений, автографов стихов»³⁴.

Таким образом, несмотря на исходное намерение кураторов (и позднее критически ими же оцененное) создать сбалансированную палитру различных блокадных «голосов», гуманистическая, *виктимизированная*, версия военно-блокадной памяти все равно выходила на первый план, а героико-триумфальный *сакрифицированный* ее «антипод», *de facto* оказывался фоном, оттеняющим ее моральную истинность и мемориальную значимость.

Последняя из рассматриваемых выставок «Блокада. Новое зрение» (сентябрь–октябрь 2021 года), приуроченная к 80-летию начала Блокады Ленинграда и основанная на блокадных работах художника Ярослава Николаева (1899–1978) и художника, архитектора и фотографа Бориса Смирнова (1903–1986), была выдержана в уже утвердившемся на протяжении предыдущих лет блокадно-экспозиционном каноне Музея – *виктимизированном* и включающем в себя обязательный компонент трагической героики.

Анонс выставки начинался с выдержанной в скорбно-трагической стилистике цитаты из книги поэта и исследователя Блокады Полины Барсковой о том, как осенью 1941 года осажденный Ленинград «ослеп от затемнения... и утраты электри-

32 Там же.

33 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

34 Там же.

чества, от боли и ужаса»³⁵. Но далее сразу же открывалось пространство трагической героики:

«Следом за слепотой открылось иное, новое зрение – более чистое, свободное, более памятливые. Возможно, именно обретение нового зрения помогало выжить многим ленинградским художникам. “Умирая от дистрофии, я упорно боролся со смертью во имя желания продолжить наблюдения и зарисовки”, – писал график и художник кино Александр Блэк»³⁶.

На выставке были представлены отрывки из текстов, написанных художниками – представителями блокадной интеллигенции, – среди которых Николай Быльев-Протопопов, Анна Остроумова-Лебедева, Владимир Серов, Иосиф Серебряный, Ярослав Николаев, Алексей Пахомов, Александр Блэк. Сквозная тема подобранных цитат – новая творческая оптика, рожденная в экстремальных условиях и потому позволившая выразить предельный экзистенциальный опыт:

«И сами авторы, и зрители блокадных выставок замечали, что работ такой творческой силы не было ни до ни после. Герои нашей выставки – обладатели такого нового зрения»³⁷.

На примере их произведений организаторы выставки постарались проиллюстрировать атмосферу творческого подъема «вопреки смерти», охватившего многих ленинградских художников в период Блокады. Исходной точкой экспозиции стало творчество Ярослава Николаева:

«Этот проект начался со знакомства с произведениями художника Ярослава Николаева, хранящимися в семье наследников. Живопись и графика, созданные во время блокады Ленинграда, отличались от довоенного и послевоенного творчества и показались нам самыми интересными, как будто освободившимися от соцреалистического канона. Небольшого формата, на бумаге и маленьких кусках холста, масло, карандаш, акварель, повторяющиеся сюжеты, город блокадной зимой, фигуры на фоне городского пейзажа, почти не прописанные, но выразительные в своей незаконченности и условности. Мы не знаем, какой механизм запускает процесс свободного творчества – нахождение на грани жизни и смерти, любовь к актрисе Марии Петровой (их роман начался в Ленинграде в 1942 году), сознание того, что идеологические запреты и ограничения не самое страшное по сравнению с происходящим здесь и сейчас. Можно только предполагать и догадываться. [...]

35 БАРСКОВА П. *Седьмая щелочь. Тексты и судьбы блокадных поэтов*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020 (https://books.google.ru/books?id=_boqEAAAQBAJ&pg=PT90&lpg=PT90&dq=ослеп+от+затемнения...+и+утраты+электричества,+от+боли+и+ужаса+Барскова).

36 Цит. по анонсу выставки: <https://akhmatova.spb.ru/events/exhibition/blokada-novoe-zrenie/>.

37 Там же.

Выставка, посвященная 80-летию начала блокады, по нашему мнению, не могла быть составлена из работ одного художника. Думая о том, как сделать это высказывание более объемным, вспомнили о странной и непохожей на другие блокадные фото серии фотографий художника, архитектора и дизайнера Бориса Смирнова, сделанной в Ленинграде зимой 1942 года³⁸.

Борис Смирнов в Блокаду служил на Балтийском флоте капитан-инженером и руководил маскировочной лабораторией. Это давало ему право передвигаться по городу в комендантский час, а также вести фотосъемку на улицах (то и другое в блокадном Ленинграде было строжайше запрещено):

«Он ходил по пустым улицам и снимал то, что сегодня бы назвали “концептуальной фотографией”. На выставке представлен фотографический ряд: белые пустыни заснеженных рек с силуэтами вмерзших в лед кораблей, скелетоподобные остовы металлических кроватей из разбомбленных или сгоревших домов – трагическая красота неодоушевленных предметов, свидетелей царящей вокруг смерти»³⁹.

Помимо художественных работ, на выставке было представлено множество иных экспонатов, в том числе документов и дневниковых записей, поиском которых занималась Галина Артеменко. Жанна Телевицкая подчеркивает тот факт, что сверхзадача экспозиции заключалась не в показе «ужасов блокады», а в демонстрации того, как люди стремились преодолеть экстремальный ужас, находя для этого силы в творчестве и любви, в том числе в любви к родному городу и человеческой культуре в целом⁴⁰.

Представление о рецепции выставки можно составить по отзыву пользователя *Gorgik1* на интернет-ресурсе «Отзовик». Размещенные на одной из стен плакаты блокадного времени он оценил не как образ, символизирующий, по словам Телевицкой, «противопоставление пропаганды и свободного творчества, государственной машины и человека», но как своего рода удачное дополнение основной, скорбно-трагической (по замыслу) экспозиции: «Прекрасно дополняют общую направленность выставки многочисленные плакаты блокадного Ленинграда»⁴¹. Как представляется, в данном случае важно то, что, несмотря на некоторую разницу в нюансах прочтения экспозиционной сверхзадачи, рецензент уловил суть мемориально-экспозиционного замысла, нацеленного на то, чтобы

38 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

39 Цит. по: <https://akhmatova.spb.ru/events/exhibition/blokada-novoe-zrenie/>.

40 Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

41 См.: https://otzovik.com/review_12398196.html.

показать героизм как своего рода неотъемлемое *дополнение* к трагедии, а не как концептуальную основу памяти о Блокаде. Впрочем, итоговое заключение этого рецензента было выдержано в традиционной советско-мемориальной, *сакрифицированной*, а точнее, героико-триумфальной с элементами скорби, блокадной стилистике: «Светлая память нашим героям и всем жителям города, выжившим в страшном испытании, и тем, кому не суждено было дожить до светлого праздника снятия блокады»⁴².

Если выставочно-экспозиционная деятельность Музея, связанная с памятью о войне и Блокаде, затрагивала прежде всего тему преодоления трагедии и была в целом выдержана в героико-трагическом (хотя в целом – виктимизированном) ключе, то акция «Блокадный квартал» являлась прежде всего *скорбно-поминальным* событием. Эпиграфом ежегодного мероприятия стали ахматовские строки «Хотелось бы всех поименно назвать, / Да отняли список, и негде узнать».

Начиная с 2015 года «Блокадный квартал», являясь частью общегородской акции чтения имен людей, погибших в Блокаде, проходит ежегодно, тем самым как бы подчеркивая общий *виктимизированный* фундамент всей экспозиционно-просветительской деятельности Музея по увековечиванию памяти о войне и Блокаде. Как в 2018 году отметила Нина Попова, «в этом замысле есть потребность преодолеть некую разнузданность, связанную с воспоминанием о войне, потому что это воспоминание должно быть переведено на уровень сострадания, сочувствия, сопереживания: это прошлое, которое входит в тебя, как часть твоей жизни»⁴³.

Однако даже в контекст скорбно-поминального мероприятия сотрудники Музея органично вплетают героико-трагическую составляющую, напоминающую о духовном сопротивлении «ледяному аду», которым стала Блокада для жителей города:

«“Блокадный квартал” – инициатива “Комитета 8 сентября”, созданного несколько лет назад для того, чтобы блокадная память стала ближе, хотя с каждым годом эти события все дальше от нас, а их участников среди нас все меньше. [...]»

Николай Пунин был эвакуирован в Самарканд в начале 1942 года, первую блокадную зиму он провел в городе, вел, как и многие, дневник, писал о том, что город стал ледяным адом. Ахматова уехала из окруженного города в конце сентября – “в брюхе летучей рыбы” – самолетом, увозя с собой рукописи и стихи, которые нельзя было записать, можно было только держать в памяти. В годы эвакуации она жадно ловила все новости, доходившие из Ленинграда.

⁴² Там же.

⁴³ Цит. по: В Петербурге 8 сентября пройдет общегородская акция «Блокада: вспомнить всех поименно» (<https://news.rambler.ru/other/39920984>).

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена! – захлопываю святцы;
И на колени все! – багровый хлынул свет,
Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.

ДАНИИЛ КОЦУБИНСКИЙ
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Конечно, никакого Бога советская цензура допустить не могла: если это стихотворение печатали, то в редакции “для славы мертвых нет”. Но не только о славе, а прежде всего *о памяти и преодолении страха, о человечности в нечеловеческих условиях – вот о чем этот день 8 сентября*⁴⁴.

Анна Соколова подчеркивает, что акция «Блокадный квартал» помогла Музею стать культурным центром притяжения не только для жителей района, но и для всех петербуржцев и гостей города, «потому что наши блокадные мероприятия и то, что мы собираем книгу памяти, это ведь о тех, кто погиб во время блокады в нашем квартале»⁴⁵. По мнению Галины Артеменко, одного из организаторов акции, инициатива в целом удалась. Важнейшим фактором явилось то, что это мероприятие сохранило «живой» формат и не было заформализовано⁴⁶.

Подводя общий итог, можно высказать предположение, что в основе выставочной и просветительской деятельности Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме в 2010–2021 годах лежал *виктимизированный*, скорбно-трагический мемориальный подход к военно-блокадной тематике. В то же время неперменной составляющей этого подхода оказывалась героико-трагическая оптика, предполагавшая репрезентацию примеров духовного сопротивления человека трагическим вызовам войны и Блокады посредством индивидуального подвижничества, выразившегося как в повседневной работе простого сопереживания другому, так и в различных формах творческой активности «вопреки смерти и разрушению». Специфика трагической героики как составной части общего *виктимизированного* подхода к памяти о таких феноменах, как война или Блокада, заключается в том, чтобы сделать акцент на личности, вступающей в заведомо неравную схватку с неодолимыми вызовами и, несмотря ни на что, стремящейся до последнего сохранять в себе *человеческое* и делиться своей человечностью с другими людьми.

В отличие от *виктимизированного, сакрифицированного* формат героической памяти предполагает иную оптику, сфоку-

44 *Блокадный квартал* (<http://museum.ru/N70695>). *Курсив мой.* – Д. К.

45 Беседа с Анной Соколовой, февраль 2022 года. ПМА.

46 Беседа с Галиной Артеменко, февраль 2022 года. ПМА.

сированную прежде всего на демонстрации той общественно значимой пользы, которую *герой*, рискуя или жертвуя собой, приносит *группе*, совершая при этом *свободный и осозанный выбор*. В то же время в центре *виктимизированной* героики – человек, явившийся жертвой неодолимых обстоятельств, заставивших его решать вопрос о сохранении себя как личности вопреки обезличивающему его экстремальному контексту.

Таким образом, следует заключить, что, последовательно развивая вышеописанный подход к военно-блокадной тематике, выставочная и просветительская деятельность Музея подтвердила справедливость того концептуального итога, к которому, в конце концов, пришла дискуссия о проведении военного парада на Дворцовой площади 27 января 2019 года. Итог, напому, заключался в признании необходимости «инклюзивной блокадной памяти, в рамках которой между различными ее версиями – сакрифицированной, с одной стороны, и виктимизированной, с другой, – сохраняются каналы коммеморативного взаимодействия и дискурсивного взаимоприятия»⁴⁷. Многолетний опыт работы Музея, как представляется, стал успешным примером создания одного из вариантов такой *инклюзивной блокадной памяти, виктимизированной* в своей основе и в то же время включающей в свою структуру обязательные элементы *трагической героики*.

Данный подход, как вытекает из всего сказанного выше, позволяет преодолеть предложенное Алейдой Ассман жесткое дихотомическое деление исторической памяти на *сакрифицированную* и *виктимизированную* (которое не учитывает наличие в структуре первой элементов трагизма и скорби, а в недрах второй – соответственно, элементов героики), дополняя это дискретно-плоскостное деление новыми, гуманистически нюансированными и, думается, более перспективными в культурно-мемориальном отношении оттенками.

47 Коцюбинский Д.А. *Как помнить о Блокаде?..*